18+

Сергей Большой

Отец Варлаам

Сергей Большой

Отец Варлаам

«Издательские решения»

Большой С.

Отец Варлаам / С. Большой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966671-0

В Санкт-Петербурге хоронят почившего в бозе императора Александра Первого. Похоронная процессия по Невскому проспекту движется к Петропавловской крепости. Весь народ следует за ней. Лишь два монаха идут в противоположном направлении. Их беседа невнятна. Их действия странны. Их намерения туманны. Кто эти монахи? Куда приведет их путь? Кого хоронит народ российской в Петропавловском соборе? И наконец, кто такой старец Федор Кузьмич, которого народная молва называет императором Александром Первым?

ISBN 978-5-44-966671-0

© Большой С.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Грехи отцов 6
Глава первая. Да покоится с миром 6
13 МАРТА 1826 ГОДА 6
Глава вторая. В жизнь новую воскресая 10
ДЕВЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД 10
Глава третья. И из мертвых восстал 17
ПОЛГОДА ТОМУ НАЗАД 17
Глава четвертая. Явившемуся в мир радуйся 25
ЗА 48 ЛЕТ ДО ПОХОРОН 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Отец Варлаам
Сергей Большой

© Сергей Большой, 2019
ISBN 978-5-4496-6671-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Грехи отцов

Глава первая. Да покоится с миром

13 МАРТА 1826 ГОДА

В Казанском соборе было людно. Пахло ладаном, горячим воском и свежеокрашенной тканью. Внутреннее убранство сильно отличалось от обычного. В центре собора под огромным пурпурным балдахином, который венчала поддерживаемая двумя ярко-белыми ангелами императорская корона, на ступенчатом катафалке располагался крытый синим бархатом большой закрытый гроб.

По бокам катафалка стояли стражи – латники в средневековых доспехах, – по одну сторону в черных, по другую в белых, по три с каждой стороны. Латниками были одеты шесть капитанов гвардии. Ниже них на следующем уступе располагались шесть камер-юнкеров и шесть камер-пажей. Еще ниже – двенадцать пажей и двенадцать подпрапорщиков. Все в траурных сутанах.

Тяжелые черно-лиловые портьеры закрывали окна. Балдахин, катафалк и гроб были освещены ровным светом. Все остальное пространство оказывалось затемнено, освященное только паникадилами, стоящими полукругом. Был день тринадцатого марта тысяча восемьсот двадцать шестого года – день похорон почившего в бозе императора Александра Павловича.

Для участия в похоронной процессии собирались выборные лица всех сословий Российской империи – депутации от губерний всея Великия и Малыя и Белыя, Царства Польского и княжества Финляндского, дипломатический корпус и венценосные особы союзных государств. Огромная масса народа всех степеней и званий. Депутации от крестьян, от купечества, от дворян, от мещан-разночинцев. Но отличить принца Оранского или великого князя Михаила Павловича от купца первой гильдии Антонова – депутата от купечества Рязанской губернии или крестьянина Мишки Вельяминова из села Николина Гора было крайне затруднительно, так как на всех участников церемониала были накинуты специально пошитые к этому случаю одинаковые траурные епанчи, покрой которых не отличался разнообразием и одинаково плохо сидел на всех присутствующих. Выделялись нарядами только церемониальные лица и духовенство.

Вновь входящие подходили к паникадилам, воспаляли свечи и отходили в темноту притворов, за колонны в левый и правый нефы, направляемые герольдами, занимая указанное им место. Яркими пятнами сверкали вышитые золотом орлы на черных супервестах и белые перчатки герольдов. В полутьме собора казалось, что вокруг орлов парят в воздухе ладони и это сами орлы указывают направление. Центр собора оставался при этом свободным. Откуда-то из алтарной части раздавался звук оркестра, играющего траурные гимны и марши и создающего соответствующую случаю атмосферу. Это одновременно позволяло публике переговариваться между собой, не нарушая торжественности момента, в ожидании начала церемонии. [1]

В правом нефе рядом с могилой Кутузова между колоннами у самой стены стояли два монаха. По черным рясам и камилавкам с наметками в них можно было узнать иноков священнического звания. Их практически не было видно на фоне траурных портьер, так что стоящие рядом у бронзовой решетки под картиной «Чудо от Казанской иконы Божией Матери

[1] Супервест – короткая форменная куртка до пояса, была надета на герольдах поверх коротких кафтанов. Также герольды были облачены в черные чулки и сапоги и четырехугольные шляпы с черными перьями.

в Москве» купцы первой гильдии рязанец Антонов и москвич Ананиев, переговариваясь между собой, не догадывались, что их могут слышать. Купцы были знакомы между собой давно, имели сношения по коммерции и были кумовьями. Поэтому и оказались здесь вдвоем, укрывшись от пестрой публики высшего света.

– А ведь сказывают, гроб-то пуст, – начал Антонов, делая особенное ударение на последнем слове и подчеркивая его многозначительность. – А государь, говорят, живехонек, в отставку подался и живет теперь себе помещиком где-то в Малороссии. Так-то, кто же его отпустит? Вот весь этот комедиасьен и устроили.

– У нас говорят тож, – отвечал степенный Ананиев, – токма гроб не пустой вовсе, а положен там фельдъегерь погибший, на государя похожий. Вот давеча мне приказчик мой сказывал. Он при свите государя в Таганроге при обер-шенке поставщиком состоял. – Ананиев запнулся на минуту, пережидая особенно громкий и торжественный аккорд траурного марша, и продолжил: – Так около того времени, когда о кончине государя объявлено было, вышел случай один. Приказчик мой тому случаю самоличный свидетель оказался. Сидел он как-то в кабаке, что в Поперечном переулке близ Елизаветинской, знаешь, наверное. Среди всей компании был один фельдъегерь фамилией Масков. Так вот Масков этот раньше других на квартиру засобирался, ибо наутро ему ехать с пакетом в Питербурх. И во хмелю-то был не сильно. Но только вышел, закричали на улице «Ой, убили», «караул», «квартального», «дохтура». Приказчик мой с компанией на улицу выбежал, а Масков-то замертво на углу Елизаветинской развалился. Экипаж из Поперечного на Елизаветинскую выворачивал, да и задел хмельного человека… [2]

– Да оно дело-то частое, – прервал рассказ приятеля Антонов. – Вот у нас тож случай был, – принялся было он излагать свою историю, но осекся и рассказывать не стал, дослушать приятеля оказалось интереснее и выгоднее, ибо сам он за собой знал, что рассказчиком был неважнецким, а потому спросил: – Ну да бог с ним, чем там дело-то кончилось?

Ананиев, сбитый с мысли, несколько помедлив, продолжил:

– Ну так вот, лежит этот Масков замертво, народ вокруг собрался. И тут монахи из Афоно-Ильинского подворья, что на Елизаветинской рядом совсем с тем местом, и с ними нехристь татарин. Вот странная кумпания, тьфу на них, Господи, – Ананиев перекрестился, поправил сползающую набок епанчу и заговорил снова: – Татарин этот вроде как лекарем был. Он Маскова энтого за шею потрогал и говорит: «Живой еще». Монахи подхватили сердешного и на подворье и уволокли, квартального не дождавшись. Народ потихоньку разошелся… Только вот Маскова того с той поры никто не видывал, помер, говорят, и дело с концом. А надо сказать, фельдъегерь тот на государя покойного зело похож был. Вот и смекай, не этот ли самый Масков во гробе обретается?

– Ой-ой, грех-то какой, – запричитал Антонов.

Один из стоящих за купцами монахов, чернобородый, с большими симметричными проседями в висках и темным взглядом из-под черных бровей, наклонился к уху другого, имеющего бороду светлого волоса, смотрящего на происходящее удивленными круглыми светло-серыми глазами, и прошептал:

– Ну вот, Саша, шила в мешке не утаишь. Что замечательно, все от первого до последнего слова чистая выдумка и при этом почти правда – так редко, но бывает. Удивительно, как молва людская все переиначивает. Впрочем, не беспокойся, такие байки всегда бродят в народе, не могут они ничего знать доподлинно. Но вот ведь незадача какая, ведь почти так все и было. А про татарина совсем мистика какая-то. Откуда им знать-то?

Последние слова чернобородый произносил как бы про себя, почти шепотом. Светлобородый с удивлением посмотрел на него, но как ни подмывало его расспросить товарища подробнее, делать этого не стал. Только вздохнул и тихим голосом вымолвил:

---

[2] Обер-шенк – придворный чин, заведующий всеми вопросами по поставке и распоряжению винами.

– Эх, Паша, Паша, а ведь и правда, грех это.

В этот миг раздался выстрел из орудия, а затем удар колокола, возвещающий открытие церемонии похорон. На катафалк взошли трое генерал-адъютантов и трое флигель-адъютантов. Они с трудом подняли тяжелый гроб и медленно принялись спускать его вниз. Затем в такт траурному маршу вынесли гроб из собора и установили на траурную колесницу.

Катафалк окружило духовенство, обмахивая кадилами гроб, генералов и все окружающее пространство. Каждение продолжалось несколько минут, затем началась короткая лития, после которой под грохот пушек, стреляющих каждую минуту, и печальный перезвон колоколов траурная процессия тронулась по Невскому проспекту в сторону Петропавловской крепости.

Колесница, запряженная шестериком вороных лошадей, была окружена камер-юнкерами и пажами, несущими зажженные факелы, и цепью солдат из лейб-гвардии Семеновского полка. Впереди процессии шли лакеи, камер-лакеи, официанты и прочая подобная придворная публика. Далее вели двух лошадей императора Александра, бывших с ним в Таганроге. Следом солдаты разных полков несли знамена российских провинций, царств и областей России, траурные знамена. За знаменосцами ехали верхом латники в золотых доспехах и шел строй латников в доспехах черных. За ними вели двух верховых лошадей, бывших с покойным в Париже и состоящих сейчас в Петербурге на почетном пансионе. Замыкали шествие делегации от различных разрядов жителей империи, среди которых была и делегация купечества с уже знакомыми нам Ананиевым и Антоновым.

Перед самой колесницей колыхались хоругви многочисленной делегации от духовенства. Дым от кадильниц густо окутывал расшитые серебром и золотом фелони и митры высших иерархов епархий и митрополий, белые и черные камилавки духовенства ранга пониже и скромные скуфейки служек и монахов, несших хоругви и знамена. Но двух иеромонахов, так нескромно подслушавших беседу неосторожных купцов, не было с ними.

И дело было даже не в том, что им было совершенно ни к чему попадаться на глаза шествующей сразу следом за колесницей императорской фамилии во главе с новоиспеченным императором Николаем Павловичем, братом усопшего, в компании герцогов и принцесс Вюртембергских, великих князей и двух императриц – матери и вдовы почившего венценосца. Вряд ли кто смог бы узнать в бородатых клириках хорошо знакомых им людей. И не в том было дело, что видеть знакомые и даже родные лица одному из иноков было невыносимо больно. Все уже было пережито, переговорено и выплакано. Дело было прежде всего в том, что эти люди твердо договорились впредь всегда исполнять задуманное и идти до конца во всех начинаниях своих. Когда-то очень давно семнадцатилетний юноша и тринадцатилетний отрок поклялись принести в многострадальную Россию свободу, равенство, братство и благоденствие для всех и всегда быть вместе на этом трудном пути. Но обещания своего так и не исполнили. Отрок стал императором и не решился сделать то, о чем грезили тогда их молодые и горячие сердца. А юноша, оставив эфемерные мечтания, превратился в слугу государя и боевого генерала.

Две одинокие черные фигуры двигались противно движению процессии в сторону Александро-Невской лавры по пустынному проспекту. Никому не было до них дела, никто не смотрел им вслед. И некому было удивиться странному их поведению, когда, остановившись ровно посередине Аничкова моста, они трижды перекрестились, пропели «Аминь» и продолжили путь дальше к лавре, где путешествующие иеромонахи имели временную резиденцию. Почти все городские жители и приезжие заполнили сейчас специально построенные вдоль траурного маршрута трибуны и помосты, чтобы проводить в последний путь своего императора. В той же части проспекта, по которой шли иноки, было совершенно пусто, и ничего не мешало их тихой беседе.

– Ты понял, Саша, почему именно на Аничковом мосту я выбрал место для молитвы? – спросил чернобородый несколько странным тоном, без всякого намека на какие-либо эмоции.

– Да, Паша, это ровно середина между двумя могилами, твоей и моей, – так же спокойно ответил приятелю светлобородый.

– А ведь меня, Саша, вот так же в закрытом гробу хоронили. Софья хотела открыть, да отговорили ее. Тот бедолага, что лежит сейчас в фамильном склепе, был на меня сильно похож, но провонял изрядно, – чернобородый грустно рассмеялся. – Да ты и сам ведь был там, верно?

– Да, не мог не отдать последнего долга старому другу. Мы с Лизанькой к самому погребению приехали, – отвечал монах, которого собеседник называл Сашей. Взгляд его был какой-то отрешенный, как будто наполненный глубокой тоской.

– А я вот так же после панихиды ушел, только шел я тогда аккурат в направлении противоположном, на Васильевский, квартировал там в доходном доме купца Акимова. Тяжело умирать, Саша, но еще тяжелее жить после смерти.

Монах горестно вздохнул и замолчал. Некоторое время они шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Наконец чернобородый прервал молчание и сказал:

– Помнишь, я обещал тебе рассказать свою историю? Сегодня, думаю, как раз пора.

Глава вторая. В жизнь новую воскресая

ДЕВЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В начале июня 1817 года с кронштадтского рейда снимался фрегат «Патрикий». Официально он уходил в практическое плавание под командой новоиспеченного каперанга Иринарха Степановича Тулубьева. Конечным пунктом плавания фрегата был испанский порт Кадис, где в компании с еще несколькими такими же кораблями он предназначен был для передачи испанцам. Партия кораблей была построена специально для продажи испанскому правительству, испытывавшему острую необходимость в судах этого класса.

На самом же деле с высочайшего соизволения фрегату надлежало доставить на остров Тенерифе больного чахоткой давнего приятеля императора Александра Первого – графа и генерал-адъютанта Павла Александровича Строганова. Только после исполнения этой срочной миссии фрегат должен был повернуть на Кадис и там уже дожидаться прихода остальных кораблей этой партии. Графа сопровождала его супруга Софья Владимировна. Как ни уговаривал ее муж остаться в Санкт-Петербурге, любящая жена наотрез отказалась отпустить Павла Александровича одного и предпочла заботиться о муже самостоятельно.

Был на корабле еще один пассажир – следующий в Дувр по делам православной миссии в Англии архимандрит Гедеон, давний знакомец графа. Он воспользовался этой возможностью, чтобы не трястись по ухабам российских и европейских дорог. Особенно же его желание заменить сухопутную дорогу морским путешествием становилось понятным, если принять во внимание, что начинал он свою карьеру корабельным священником в Архангельске. Служил на разных судах, участвовал в первой арктической экспедиции Лазарева и Беллинсгаузена и даже совершил кругосветное плавание. Так что морская болезнь, бич всех непривычных к качке морских путешественников, не была ему сколько-нибудь страшна. Не страдал морской болезнью и граф Павел Александрович, хорошо знавший морскую службу и не раз чувствовавший под ногами палубы различных судов.

Другое дело Софья Владимировна. До сих пор ее путешествия по воде сводились к прогулкам на лодке по Неве или Москве-реке, а опыт морских путешествий был ограничен увеселительными пикниками на яхте в тихую погоду по маршруту Дворцовая пристань – Петергоф. Уже на второй день пути, когда фрегат вышел из относительно спокойного Финского залива в более бурное Балтийское море, она впала во все прелести морской болезни и теперь под опекой корабельного врача лежала больная.

* * *

В кают-компании тихо. Оба пассажира – генерал-лейтенант от инфантерии и генерал от Духа Святого – сидели за большим столом в центре помещения. На столе стояла початая бутылка ямайского рома, два стакана и тарелка с квашеной капустой. Все остальные офицеры были на палубе. Переход через Балтику всегда дело ответственное и полезное при практическом плавании. Тем более что большая часть команды выходила в большой поход впервые. Новоиспеченные выпускники Морского корпуса во главе с только что произведенном капитаном первого ранга Тулубьевым суетились на палубе. Матросы, все тоже недавно призванные, неумело и медлительно возились со снастями, получая замечания, а порой тычки и подзатыльники от опытного бывалого боцмана Тарасыча. Вчерашние гардемарины, а ныне мичмана флота российского отдавали первые свои команды, управляя развертыванием и набивкой парусов. С палубы то и дело доносился басок боцмана: «Была команда „бейдевинд“, что ж ты, корова некрытая, бакштаг готовишь? Запоминай, Емеля, твою …!» Из-за присутствия на фрегате дамы капитан провел специальную воспитательную беседу с матросами и особенно с боц-

маном, дабы привычных в обращении между собой бранных слов не произносить и рукоприкладства избегать. Если бы не это, нерадивый матрос не отделался бы сравнением с яловкой и получил бы хорошего тумака. В общем, весь экипаж корабля был сильно занят в это время. Корабельный доктор, единственный из членов команды не участвующий в управлении судном, находился у постели Софьи Владимировны. И это было очень кстати. Ведь если бы неосторожное ухо подслушало, о чем говорилось между двумя генералами, то волосы от ужаса зашевелились бы над этим неосторожным ухом.

– Умереть, любезнейший Павел Александрович. Только смерть избавит тебя от страданий твоих. Только тогда ты сможешь освободиться, – басил архимандрит, наливая из бутылки себе в стакан коричневой жидкости. Плеснул он и во второй стакан и добавил: – Знаю, не любишь, но выпей, ваше сиятельство, мозг прочистит, поймешь меня лучше.

Строганов, сидевший за столом, понуро положив голову на руки, устало приподнялся, взял стакан, заглянул в него и, скептически посмотрев на плескавшуюся в нем подозрительного вида жидкость, тем не менее выпил, поморщился и, как ни не хотел, но схватил щепоть изрядно прокисшей прошлогодней квашни и захрустел ею. И чудо – в задумчивом и бессмысленном взгляде генерала сверкнула искра. То ли оскомина пробила слезу, то ли до графа начал доходить смысл слов попа. Закончив жевать, он все еще тем же уверенным тоном, что возражал клирику до этого, произнес:

– Но я не верю в Бога. Как не веруя-то?

– А для этого то, что ты называешь верой, и не нужно. Вера, брат, это процесс, а не состояние. Вот войдешь в процесс веры, многое поймешь. И то, что ты называешь верой, сейчас придет к тебе. А смерть, знаешь ли, что для верующего, что для атеиста – одна. А вот воскрешение в жизнь вечную – это уже не для всех. И поймешь ты это, только взглянув на эту жизнь со стороны, с той стороны! – Гедеон указал пальцем в потолок кают-компании. Затем налил стаканы в другой раз. – Ну давай, Пал Александрович, за ясность мысли.

Они выпили и захрустели капустой. Глаза графа еще больше оживились. Он с минуту помолчал, думая о чем-то, и затем сказал:

– А это как же – от живой жены, от детей?

Священник посмотрел на собеседника с укоризной и ответил:

– Нет хуже греха, чем уныние, коему предаешься ты, граф! Уныние – вот тяжкий грех. А ведь, по сути, ты совершаешь своим унынием самоубийство – вот уж грех тягчайший. А о жене и детях что беспокоиться тебе? Все, что мог, ты для них уже сделал. К тому же сказано: враги человека – домашние его! И ведь не без прокормления же ты их оставишь, в самом деле. И сам ведь говоришь, что уже третий год с Софьей не спишь. Что от тебя, такого мужа, толку? – архимандрит улыбнулся в бороду и толкнул Строганова в плечо, показывая, что шутит.

Долго сидели приятели за беседой многоумной. Гедеон цитировал Старый и Новый заветы, святых отцов, западных и восточных религиозных философов, Строганов же слабо возражал, ссылаясь большей частью на Вольтера, Дидро и общепринятые нормы. В диспутах на подобные темы он был явно слаб. Счет стаканам уже был потерян, и когда в кают-компанию, управившись с маневрами и поставив на курс корабль, вошел капитан со старшими офицерами, все главное уже было сказано, нить беседы давно отошла от столь необычного предмета и никто не заметил ничего странного в поведении подвыпивших пассажиров.

* * *

– Нет, Пал Алексаныч, я дело говорю. То не пьяная болтовня была. Загнешься ты от чахотки своей… Да и нет у тебя никакой чахотки. Я знаю, что говорю. Нагляделся я на чахоточных. Стержня в тебе нет, вот в чем загвоздка. Много плавал, много видел я болящих, лучше докторов это понимаю. Убьет тебя инфлюэнца твоя постоянная, если не обретешь покой душевный. А пока мечешься между верой и безверием, вот она, суета и томление духа, как Соломон-проповедник сказывал.

Строганов молча смотрел на бьющую в борт волну, погруженный в свои мысли и неприятное состояние похмелья. Утром, а скорее уже ранним днем, мучимый головной болью, он зашел в кают-компанию, застал там святого отца, употребляющего капустный рассол. На этот раз отказываться присоединиться к трапезе не стал и, доверившись опыту монаха, выпил стакан этого пойла, по этой поре особенно кислого и с запахом прелости. Но заставил себя, как заставляют пить горькое лекарство. Как ни странно, помогло. Пульсирующая боль в голове прошла, мутить перестало. И сейчас обдуваемый соленым морским ветром граф Строганов размышлял над странным предложением епископа…

…Вот уже три года, как он был мучим неизбывной тоской и нежеланием жить. С того самого дня, как французское ядро оборвало жизнь его любимого сына. Произошло это почти на его глазах. В деле при Краоне в 1814 году он командовал дивизией, в которой служил его единственный сын и наследник. Когда французские батареи открыли ураганный огонь по деревне Айлес, где в этот момент находился его Саша, у Строганова закололо в груди и появилось неистовое предчувствие беды. Но осознать, что так взволновало его, что за страх сковал грудь и подавил волю, в этот момент он не мог. Прискакал адъютант от Блюхера с приказом отходить. Хлопоты по организации отступления на время притупили ощущение надвигающейся на него катастрофы.

Но вот все было кончено. Образцово выполненный отход русских дивизий не дал возможности Наполеону, потерявшему в деле четверть своей армии, разгромить корпус Воронцова и Строганова. Когда отступающие остановились недалеко от городка Лан, наступила передышка, во время которой к Строганову подъехал генерал Удом и скорбным голосом сообщил, что его сын пал.

Мир померк перед глазами отца. Все виденные им ранее смерти были ничто по сравнению с тем, что случилось тогда. На следующий день после отхода войск Наполеона из Айлеса ему удалось найти своего мертвого сына. С тех пор все время виделся ему труп его Саши, с разбитой ядром, почти начисто оторванной головой и раскинутыми в стороны руками, одна из которых крепко сжимала эфес сломанной шпаги, а другая беспомощно свисала в рытвину, оставленную разорвавшейся гранатой, в которой валялся его пистолет со взведенными курками.

Вторым видением, которое мучило его, был укоризненный взгляд жены, когда он вернулся из похода. Тогда он жестко ответил ей, что сын ее был храбрый солдат, а солдат иногда убивают. Но сам он полностью отдался своему горю, оставил службу и поселился в Санкт-Петербурге. В прошедшие три года он редко выходил из дому, часто простужался и болел. Наконец кашель стал почти постоянным, и врачи, заподозрившие у него чахотку, посоветовали отправиться на лечение на Канарские острова. Как раз в это время несколько фрегатов российского флота, в их числе и «Патрикий», были проданы испанскому правительству и должны были отправиться в Кадис, где предполагалась передача судов. Узнавший о состоянии Строганова Александр Первый приказал отправить корабль незамедлительно…

…Долго молчал граф, вихри мыслей пролетали в голове его. И каждая все ближе подталкивала его к этому шагу, еще вчера казавшемуся ему безумством. Молчал и священник, справедливо полагая, что все слова уже сказаны, семена брошены, земля подготовлена добротно, уже колосятся всходы и скоро вызреет единственное правильное решение. И действительно, через четверть часа размышлений лицо Строганова просветлело, он взглянул на монаха острым своим взглядом и, вспомнив почему-то мирское имя собеседника, резко сказал:

– Ну, будь по-твоему, Гаврила. И как же это ты видишь, чтобы нам учудить сие?

– Да дело-то, Паша, не такое уж и трудное, особливо в Копенгагене. Город этот грешен, и грешные дела тут творятся всякий день. Тут, Паша, бродяг разных безвестных преставляется дюжины по две, а то и по три на день. Так что будь покоен, все будет в виде наилучшем, да и знакомец хороший в местном мортариуме имеется, и другие помощники отыщутся…

* * *

В порту Копенгагена на берег сошли иеромонах Гедеон, сопровождавший его монах Осия, Павел Александрович, Софья Владимировна с горничной девушкой и денщик генерала. Еще на корабле в последние часы плавания граф уговорил супругу оставить его путешествовать далее одного, а самой сухопутным путем вернуться в Россию. Та, чрезмерно страдающая от морской болезни, должна была согласиться. К тому же ее успокоил вид и настроение супруга, который изрядно пободрел в последние дни плавания. Сославшись на необходимость пущего бережения, отправлял он с женщинами и своего денщика.

Последний день жизни Павел Александрович Строганов провел в хлопотах. Через русскую миссию была организована карета, которая должна была доставить супругу с приближенными до Вильны. Граф хотел убедиться, что графиня покинула Копенгаген, поэтому сопровождал карету верхом до пригородов. И окончательно простился с уезжающими, только когда экипаж выехал на первый большой перегон. Затем он посетил один из кораблей Российского флота ради инспекции соблюдения всех предписанных правил пребывания за рубежом, о которой просил его лично император. Найдя все в надлежащем виде, он отправил о том соответствующий рапорт в Петербург.

Ближе к вечеру, переодевшись в потрепанное партикулярное платье, Павел Александрович в сопровождении Гедеона и монашка Осии оказался в портовом районе, где располагались матросские кабаки, бордели и лачуги тех, кто в этих кабаках и борделях работал, а также и заведение, по-русски называемое божедомом, по-английски мортарием, а по-французски моргом. В самом деле, что таскать свежие трупы за тридевять земель, когда источник их наиболее частого возникновения был рядом. Именно к моргу и направились наши герои. Проходя мимо одного из переулков, компания вдруг увеличилась на еще одного персонажа. Из темной подворотни к ним шагнул высокий старик, весь в черном, в черной же шляпе, с окладистой черной бородой и черным саквояжем в руках. Только белый горбатый мясистый нос, выдающий в нем еврея, был единственным светлым пятном. Никто не проронил ни звука. Видно было, что все знают, что это за человек и зачем он присоединился к ним.

На происходящее вокруг морга местные чаще всего внимания не обращали (лишь бы самому там раньше времени не очутиться). Местных покойников отдавали туда редко. Кто своего усопшего в казенный дом отдаст? Как помрет, так по христианскому обычаю и хоронят. И к чему этот морг, спрашивается? Так что служило это заведение большею частью для временного хранения никем не востребованных мертвяков, не имеющих родственников гулящих дам и мужчин, зарезанных в пьяных драках, которые в избытке случались в местных увеселительных заведениях. Редко какой боцман зайдет, чтобы поглядеть, не здесь ли обретается пропавший на днях матрос. Пропал и пропал, ну и бес с ним, наймем другого. Зато частыми гостями были доктора и студенты-медики, которым отдавали вылежавших положенный срок невостребованных покойников для анатомических упражнений.

Так что появление теплым вечером нескольких человек в этом скорбном заведении никакого интереса не вызвало. Кому нужен мелкий чиновник, ищущий пропавшего родственника, да чернорясный поп в компании с таким же чернорясным монашком – тоже гости в заведении по понятным причинам частые. Самой загадочной фигурой во всей компании мог бы быть пожилой еврей с саквояжем. Но и он не вызвал вопросов у местного сброда, так как был он доктором и фигурой в этой части города весьма известной.

В сыроватом холодном подвале, освещенном тусклой лампой, лежали два десятка покойников. Стоял запах мертвечины, и каких-то препаратов, видимо, применяемых для замедления разложения тел.

– Ищите, который тут ваш, вот эти сегодняшние, отдам любого по сходной цене за фунт мяса, – проворчал служитель, захихикал над собственной гнусной и глупой шуткой и ушел.

Еврей откинул рогожки с указанных тел, критически осмотрел их. Все были мужчины различного возраста. Наконец ткнул пальцем в одного:

– Этот подойдет.

Оформив необходимые формальности и щедро накинув служителю чаевых сверх положенного, компания погрузила покойника, упакованного в черный гробовой ящик, на дроги и отбыла от скорбного места в неизвестном направлении. Впрочем, неизвестным это направление осталось только для властей, которые, по правде сказать, мало интересовались судьбою матроса, зарезанного в пьяной драке. Полусонный клерк в муниципалитете еще днем сделал запись, что покойный Эрик Расмуссен передан на руки родственникам для захоронения на родине в шведском портовом городке Мальме.

На самом деле мнимый Расмуссен и сопровождающие его лица отправились совсем в другую сторону от пристани, с которой часто отваливали корабли до Мальме, а именно в пригород Копенгагена, в небольшую усадьбу, стоящую на самом берегу пролива Эресунн, которую старый еврей снимал для встреч со своими любовницами и занятий неофициальными практиками, которых было в арсенале пройдохи немало. Здесь, закрывшись в одной из комнат, компания занялась делом, ради которого и прибыла.

Открыв положенный на стол ящик с покойником, старый еврей раскрыл свой саквояж и принялся выкладывать из него на специальный медицинский столик на колесиках предметы, которые совсем не подходили официальной профессии Моисея Фенкеля. Предметы эти позволяли актерам перевоплощаться на сцене, а преступникам избегать цепкого взгляда полицейских агентов. Клей и пластическая масса, пудра и краски пошли в ход. И не прошло и часа, как на присутствующих из гроба смотрело лицо генерала Строганова. Старый еврей работал не хуже заправского театрального гримера.

– Вот и все, уважаемые. Через час всю эту красоту можно будет смыть только изрядной порцией горячей воды со щелоком. Но я таки склонен думать, вряд ли кто-то станет его умывать, а если станет, то это таки ваши проблемы, Моисей на этом умывает руки, простите за каламбур, – и старый еврей действительно принялся мыть руки в тазу с теплой водой, которую по его просьбе уже приготовил расторопный Осия. После того как, вымыв и тщательно вытерев руки, Моисей уложил весь инструмент обратно в саквояж, он сказал:

– Старый Мошка не спрашивает вас, зачем вам это нужно, но он бы хотел, чтобы вы добавили за этот странный гешефт несколько монет за «не хочет» и за «не знать», чтобы я не проболтался своей жене Сарре. А когда я выпью дешевой водки, я имею неосторожность болтать. А чтобы не болтать, мне нужно пить дорогой коньяк, а то я, не дай Иегова, наговорю лишнего, а то, что знает Сарра, то знает вся округа. [3]

– Получи-таки уговоренное, Моисей, – ответил Гедеон слегка насмешливо и передразнивая легкую картавость доктора, – и смотри, чтобы твоя Сарра узнала только за твой гешефт, а не за твои шашни с различными гретхен на этой милой даче.

– Ах, святой отец, зачем такие неуместные подозрения, грех вам, – проворчал еврей, пряча кошелек с ригсдалерами где-то в недрах широкого лапсердака. – Но про совесть старого еврея может стать нечиста. А время течет. Годы уже не те, и я боюсь, что скоро мне придется переселиться в лучший мир. А что мне делать в этом лучшем мире с нечистой совестью? Скажите хотя бы, за какой грех мне просить Его простить меня. От кого бежит этот молодой человек и что он натворил?

Моисей скосил взгляд на внимательно слушающего разговор Строганова. Конечно, на самом деле старому грешнику нужна была только некая согласованная версия назначения тех манипуляций, которые ему пришлось производить этой ночью. Гедеон помолчал с минуту и с иронией в голосе почти весело ответил:

---

[3] Гешефт – выгодное, удачное дело (идиш).

– Успокойся, Моисей. Этот гешефт не отяготит сколько-нибудь еще твою и без того незавидную долю в Шеоле. Этот человек много чего натворил в своей жизни. Но вот ведь какая штука: все его поступки оцениваются современниками как благородные и нравственные. Хотя они не являлись такими на самом деле. – Строганов слегка вздрогнул при этих словах, но ничего не сказал. – Но тем не менее ему незачем скрываться от людей. И не от дел, которые ему следует закончить, он бежит, ибо все дела его здесь закончены. И не от счетов, что могут предъявить ему люди, ибо все счета его оплачены. Да и не бежит он вовсе. Напротив, он прекращает бег. Он возвращается к себе, чего я, кстати, и тебе, ребе Моисей, желаю. Суетный ты человек, Моисей… [4]

На этом деловая часть закончилась. Они вынесли гроб на улицу и вновь водрузили его на дроги, после чего пути их навсегда разошлись. Печальная процессия направилась обратно к порту, а доктор Фенкель направился по тропинке к небольшой роще, находящейся неподалеку от усадьбы. Внимательный глаз мог углядеть две смутные фигуры, присоединившиеся к путнику с саквояжем, как только он зашел за деревья. Никому не доверял старый грешник. Приятная тяжесть кошелька и пейсы, развевающиеся на ходу у двух крепких молодых людей, внушали ему спокойствие и хорошее настроение. Сарра останется довольна за этот гешефт и не станет допытываться, где это иногда пропадает ее муженек.

Утро уже вовсю начинало шуметь. Хлопали открываемые ставни, беззлобно ругались из-за мест уличные торговки. Выползали, почесываясь, на дневной промысел нищие. Все было как всегда. В ворота портовой таможни въехала телега, запряженная старой клячей, на которой возвышался лакированный ящик – рака. Иеромонах предъявил таможеннику бумагу, из которой следовало, что власти не имели возражений против вывоза тела православного дворянина Антона Блудова, умершего две недели назад от удара, согласно его завещания, для похорон в его имении Спасское-Телешево. Заспанный таможенник не стал открывать гроб. Ему как протестанту была смешна возня православных со своими покойниками, кусками дерева и камня и прочими глупыми фетишами. Да и запах двухнедельного трупа вряд ли облагородил и без того нечистый портовый дух. Двое дюжих портовых грузчиков внесли ящик по трапу и отнесли в каюту иеромонаха. И каждый матрос знал, что в ящике находятся останки какого-то недавно причисленного к лику местночтимых святых полкового священника из Тамбовской губернии, мощи которого недавно удалось обнаружить в Моравии, где тот был убит шальным ядром во время битвы под Аустерлицем.

Отбытие дело волнительное… И никому из команды не было дела до того, чем были заняты пассажиры в этот момент. А занятия их были таковы, что в каюте Строганова, обряженный в ночное белье, появился очень похожий на него покойник, а сам Павел Александрович исчез. Зато появился уже вписанный в судовые документы монах Зосима, сопровождающий мощи из Моравии, где и был захоронен нововоссиявший подвижник.

Наутро, уже в море, Гедеон сообщил Тулубьеву, что застал бездыханное тело Павла Александровича Строганова. Судовой врач засвидетельствовал смерть генерала. В Дувре тело упаковали в цинковый ящик, а ящик – в приличествующий сану покойника гроб. В соответствии с обстоятельствами план плавания был изменен, и «Патрикий» лег на обратные галсы.

* * *

– Так вот оно, значит, – проронил до этого внимательно слушавший собеседника светлобородый монах. – А меня вы так же вот изготовили?

Он нахмурился своим мыслям, но взгляд его выражал скорее любопытство, нежели негодование. Чернобородый спокойно и не обращая, как казалось, внимания на реакцию приятеля продолжил, словно следуя давно намеченному плану:

[4] Шеол – местопребывание душ умерших в иудаизме.

– Сегодня такой день, милостивый государь Александр Павлович, когда всем тайнам надлежит быть открытыми. И я надеюсь, что теперь уже можно рассказать то, что я не решался тебе поведать полгода. Я в эту историю сам бы не поверил, если бы в ней непосредственно не участвовал. А вот самое начало я собственными ушами услышал от человека, который и устроил все. И не доверять ему нет никаких причин. И как раз напротив, все указывает именно на то, что оно так и было. И не иначе как все это Божий промысел. По-иному такого бы случиться не могло. Впрочем, ты сам в этом убедишься. Но об этой самой удивительной части истории я смогу рассказать только в самом конце. Сначала – как оно с тобой вышло. Давай вспомним о маленьком кровососе…

Глава третья. И из мертвых восстал

ПОЛГОДА ТОМУ НАЗАД

Таганрог был назначен городом пребывания императора Александра Первого при инспекционной поездке по Крыму, Азовскому побережью и причерноморскому Кавказу. Таким образом, столица огромного государства переместилась в захолустный приморский городишко.

Царским дворцом определено было небольшое одноэтажное здание на Греческой улице, в котором обычно останавливались все гости, принадлежащие монаршему семейству. Градоначальник по традиции уступал высоким гостям один из своих домов. Вытянутый фронтоном вдоль улицы дом имел два боковых входа. Один, парадный, предназначенный для особ знатных, послов, придворных и высшего купечества, другой, черный – для прислуги и принесения всего, что могло понадобиться в обиходе гостей.

Внутренняя обстановка была весьма скромной и простой и никак не сочеталась со званием роскошных царских апартаментов. Три спальни, приемная, которая использовалась как кабинет императора, и столовая составляли все помещения дворца. В подвале располагалась кухня и другие хозяйственные службы. Быт монарха отличался простотой необычайной. Здесь не давалось балов, не устраивалось торжественных приемов, не журчала обычная для столиц салонная жизнь.

Когда император межу разъездами жил в Таганроге, день был посвящен рутинным делам: ответам на письма, подписанию бесчисленных бумаг, приему посетителей, немногочисленных ввиду того, что времени, в которое монаршее лицо находилось дома, никто не знал и бывало это редко. Да и дворянству местному строго-настрого было воспрещено докучать императору.

Недолгий досуг занимался обыкновенно гуляньем по приморскому городу, посещением рынка, общением со случайно встреченными горожанами. Без всякой охраны он прогуливался по набережным и улицам, все вызывало его живейший интерес, от цен на базаре до тонкостей работы точильщика ножей. Вечером пил чай с диковинными пирогами, начиненными крайне нежной азовской креветкой, и слушал тишину вечернего южного города.

Но главное были поездки. Настоящей цели императора в этих поездках не знал, пожалуй, никто, кроме самого самодержца российского. Но и он не понимал толком, что ему нужно, и представлял свои стремления весьма смутно.

Последние годы жизни некогда скептически настроенный по отношению к религии император начал живо интересоваться этим предметом. Происходило это в силу разных причин. Прежде всего, вследствие вхождения в соответствующий возраст. Возраст, когда о смерти и сопряженных с ней обстоятельствах начинаешь задумываться все чаще и чаще. Раньше даже под градом пуль и ядер на поле боя эти мысли редко приходили ему в голову. Видя смерть простых солдат, офицеров или даже генералов, он никак не мог представить, что нечто подобное может случиться и с ним. А вот теперь, когда столько походов и невзгод были уже позади, им начал овладевать страх. Опасные болезни принялись посещать царя. Чего стоило только рожистое воспаление ноги, случившееся с ним двумя годами ранее, когда лошадь на одной из прогулок повредила копытом ему голень. Это ничтожное с виду обстоятельство вызвало горячку, в течение которой ему бывало так плохо, что вызывали священника для исповеди и причастия. А среди придворных, да и прочих подданных, начали бродить разговоры о возможном преемнике бездетного государя. [5]

[5] К этому времени действующий наследник, младший брат Константин, уже отказался от престола. Официально это

Так что пришло время помыслить о душе. Он начал интересоваться религией и особенно вопросами о посмертной участи человеков. Интерес этот, правда, распространялся не на область официального православия, цену которому он прекрасно знал и оттого не сильно уважал, а на различного рода оппозиционные синоду группы, иные верования и даже секты. Долгое время он был под влиянием своего приятеля последних лет Голицына, создавшего собственную разновидность христианства, замешанную на малопонятном мистицизме, и втянувшего венценосца в свою ересь. Но вскоре он разочаровался в простецких построениях графа, не отвечавших толком на те вопросы, что более всего его интересовали.

Познакомился он как-то и с такой одиозной личностью, как основатель и глава скопческой секты Кондратий Селиванов. Поняв суть этих изуверских доктрин, император пришел в ужас от их безумных идей и велел более до себя этого сумасшедшего не допускать. [6]

Также некоторое время он часто принимал у себя не в меру крикливого и властного архимандрита Фотия, который возглавлял оппозицию синоду и потому был интересен. Но император быстро разочаровался как в доктринах скопцов, хлыстов, молокан, индивидуализме веры Голицына, так и в практиках оголтелого подвижничества Фотия.

Нужно было что-то другое, одинаково далекое от столичных интриг и распрей и новоиспеченных мудрствований. Хотелось чего-то древнего, не придуманного человеком, чего-то изначального. Столица же была поражена вирусом стяжания. Все в ней, в том числе и духовная жизнь, было подчинено законам наживы и личной выгоды.

Крым же – самые задворки империи, только недавно отвоеванные у Турции, с одной стороны и колыбель российского православия с другой. Место сосредоточения древних религий: иудаизма, христианства и мусульманства. Место, где религиозность должна была иметь немыслимую силу. Именно Крым мог, по его мнению, предоставить возможность пообщаться с представителями духовенства, далекого от светской жизни, духовенства, которого он не мог бы разыскать близ лощеных столичных паркетов.

Основными религиозными общинами, кроме православия, здесь были крымские евреи – крымчаки и караимы – и мусульмане – татары. Именно общению с ними и были на самом деле посвящены его поездки. Удобнее всего это было сделать в Бахчисарае, где император сделал длительную остановку.

Александр, наверное, первым из императоров всероссийских посетил синагогу, называемую здесь кенассой. Это была одна из древнейших синагог Крыма в городке Чуфут-Кале близ Бахчисарая, название которого с татарского языка так и переводилось – еврейская крепость. Там он осмотрел свитки священных писаний и долго беседовал с раввином. Старый бородатый еврей в круглой черной шляпе с белым верхом и в цветастом восточном халате, хорошо говоривший по-русски, правда, с некоторым специфическим акцентом, обстоятельно отвечал на все вопросы императора. Вопросов было много, но все они никак не касались главного, ради которого император посетил своего подданного.

– Нет, ваше величество, свитки много удобнее ваших раскладушек. Вот, например, я взял свиток, и он уже открыт на том месте, где я его вчера оставил. А с книгами не так. А если выпадет закладка? А если забудешь заложить? А я начинаю с той же строки, я вас умоляю, это гораздо удобнее. И где это видано, чтобы священные записи доверялись бездушной машине? Все должно пройти через душу и быть записано кистью. Я вас умоляю, это же проще пареной репы, как любит выражаться мой садовник. Здесь у нас есть своя типография, но чтоб мне не чтить день субботний, если там печатается хоть слово из Священной Книги.

не было обнародовано вплоть до вступления на царство Николая Первого.

[6] Секта скопцов, основанная крестьянином Селивановым, ставила своей основной доктриной оскопление, то есть лишение себя половых органов с целью уничтожения полового влечения, а следовательно, и греха. Адепты называли себя «убеленными» или «белыми голубями». Странность этой концепции очевидна, так как она не препятствует совершению ни одного из грехов и вводит адептов в ложное ощущение собственной святости.

Сделав замечание по поводу неудобства использования и воспроизводства намотанных на деревянные валки свитков Торы, самодержец невнимательно выслушал ответ раввина и как бы невпопад, случайно, задал вопрос:

– А что говорят ваши… ммм, как это у вас… мудрецы о жизни за гробом, Страшном суде и вообще данного вопроса касаемо?

Раввин пожевал губами, долго думал, что ответить на столь щекотливый вопрос венценосцу православного государства. Не то чтобы это было тяжело для него. Ему часто приходилось иметь дискуссии по этому вопросу как с единоверцами, так и с представителями иных конфессий. Скорее, прозвучал он слишком неожиданно и слишком уж вскользь, безо всякого к тому повода. И было непонятно к чему император вдруг обратился к этому вопросу. К тому же ответ не должен был огорчить или разозлить царя. Раввин знал, что Александр не отличался особой набожностью. Но все же ответ стоило обдумать хорошо, дабы не наделать вреда своей общине. Но и слишком долго испытывать терпение государя не стоило, и он наконец, не торопясь, обстоятельно выговаривая слова, принялся отвечать:

– Видите ли, ваше помазанное величество, определенных установок на этот счет закон не дает. Танах говорит большею частью об ушедших отцах «…и стал частью народа своего…» или «и приложился он к народу своему». Что это значит? У нас есть много разных мудрствований за этот счет. Много учителей учат по-разному. Равви Ицхак Исраэли говорит, что душа после смерти отделяется от тела, обретает самостоятельную субстанцию и отвечает перед Яхве за земные дела. А великий Маймонид утверждает, что то, что мы называем душой – наше «Я», – растворяется в народе, то есть исчезает как личность, оставляя лишь свои знания и память о делах. Тем не менее он не исключал возможности воскрешения личности в конце всех времен. Кажется, такого же мнения придерживаются и некоторые христиане. А последователи каббалы говорят, что душа возвращается на землю в новом теле и живет снова, искупая постепенно свои грехи, и так до тех пор, пока не придет Машиах. На этот счет я советовал бы вам почитать труды Хайима Калибреса. А есть и широко распространенное представление о том, что душа уходит в Шеол и пребывает там до конца времен, как у эллинов. Все очень рассеянно. У нас нет еретиков, как у вас, и умствовать можно всяко. Я даже скажу больше, всякий еврей в какой-то мере инаковерующий и сам себе сектант и равви. И я скажу, что в этом таки нет ничего дурного. [7]

Раввин замолчал. Тогда Александр задумался на минуту и спросил:

– Так что же объединяет вас, если у вас все можно трактовать так или иначе? Вы давно должны были распылиться на мелкие секты, и вероисповедание ваше должно исчезнуть.

Раввин улыбнулся доброй улыбкой взрослого, объясняющего неразумному ребенку прописную истину, и ответил:

– Вы, о повелитель моего сердца, задали очень верный вопрос. Я бы даже сказал, вы задали самый главный для нас вопрос, что выдает в вас великий ум. Все просто, ваше величество. Нас объединяет Закон. Кто исполняет все мицвы, тот и есть еврей. Это первое, что усваивают наши дети, даже если они не учатся в ешиботе. Мойше передал нам от Всевышнего Закон, а Закон уже создал наш народ. Народ существует, пока чтит Закон. Все, что написано в Законе, должно исполняться, и тогда будет жить народ. [8] [9]

---

[7] Шеол – место посмертного пребывания душ у иудеев, аналог греческого Аида. В Шеол попадают души как праведников, так и грешников.

[8] Мицвы – предписания и законы в иудаизме. Мицвы выделяются из Торы и составляют отдельную книгу – Галаха, в которой к мицвам даются пояснения, комментарии и указания на правоприменение.

[9] Ешибот или иешива – учебное заведение по изучению священных писаний в иудаизме. Обычно это высокая ступень обучения, и здесь равнин попытался пошутить. Низшим учреждением обучения у караимов являлись мидраши.

Александр задумался. И даже прошелся взад-вперед от стенки до стенки, подперев при этом кулаком щеку. Затем его осенила какая-то мысль и он воскликнул, слегка повысив голос, видимо, пораженный этой своей догадкой:

– Так, выходит, Иисус Христос нарушил ваш закон и его за это распяли?

Еврей грустно и умиротворяющее улыбнулся и, стараясь сгладить возбуждение самодержца, ответил:

– В наших книгах ничего насчет этого нет, мы не имеем этого предания, а Евангелия не говорят определенно. Может и так, а может и нет, дело давнее. Прошу прощения вашего величества, что доставил вам неудовольствие.

Раввин поклонился и оставался в такой позе, пока Александр, резко повернувшись, не отошел от него.

На этом разговор был окончен. Не попрощавшись, император вышел из синагоги. Вскакивая на коня, он махнул перчатками, которые все время разговора с раввином теребил в руках, и распорядился, обращаясь к адъютантам:

– Давайте к татарам.

Следующим местом, которое посетил царь, была мечеть, которых в Бахчисарае было много. В том числе и самая древняя и главная из них Тахталы-Джами. Но они отправились не туда, а в небольшую мечеть на окраине города, где их уже ждал мулла, хорошо говорящий по-русски и рекомендованный императору как один из лучших суфиев – знатоков мусульманства. Вокруг мечети цвел большой сад с обилием цветов и фруктовых деревьев, с виноградными арками над песчаными дорожками, сходившимися к небольшому фонтану перед входом.

Спешившись перед воротами сада и оставив свиту дожидаться там же, император с одним из адъютантов прошел за ограду и остановился у фонтана. Входить в здание самой мечети посетитель не стал. Причиной этого стало обязательное условие снятия обуви перед входом, что было весьма затруднительно выполнить, не причиняя ущерба чести его величества. А нарушить это правило и тем обидеть мусульман было, естественно, также невозможно.

Мулла тут же вышел к царю и приветствовал его с традиционным поклоном:

– Ас-саляму алейкум, ваше величество, добро пожаловать к нам.

– Уа-алейкум ас-салям, – бегло ответил император ответное приветствие, специально заранее заученное, но только чуть склонил голову в сторону собеседника. Этот ритуал был заранее подготовлен, так как император пожелал расположить к себе собеседника.

Разговор начался с того, что император спрашивал о земных нуждах подданных ему мусульман. Подготовленные заранее вопросы он ронял как бы вскользь, ответы слушал невнимательно, только изредка бросая сопровождающему их адъютанту: «Запишите это» – или: «Нужно разобраться, пометьте себе, голубчик».

Гораздо внимательней его взгляд стал, когда он как бы невзначай перевел беседу на волнующую его тему, предварительно отослав адъютанта к остальной свите:

– Вы сказали, что здесь явилось поветрие и многие отдали душу Аллаху?

– Да, повелитель, но на все воля Всевышнего. Раз посылает испытания, значит, такова его воля.

В этот момент Александр почувствовал неприятное щекотание за правым бакенбардом. Он приложил ладонь к этому месту и нащупал что-то шевелящееся. Оторвав не без затруднения бляшку, он поднес предмет ближе к глазам. Это было насекомое – клещ-кровосос. Император раздавил его, не задумываясь, между пальцами. На пальцах появилось красное пятно – клещ уже успел насосаться монаршей крови. С досадой он отер пальцы о листок акации, рядом с которой стоял, и тут же забыл о неприятности, после чего вернулся к интересующему его вопросу:

– И что же случается с человеком, покидающим этот мир, по представлениям вашей веры?

– Праведного ждет рай, вечная молодость и прекрасные гурии в дивных садах. Ну а о судьбе нечестивого и говорить не хочется.

– И что же, мы, христиане, все нечестивые?

– Как такое можно говорить, о повелитель, – хитрый старик неодобрительно покачал головой. – Все люди Книги могут попасть в рай, Аллах милостив.

Александр задумался на секунду, затем, бросив мулле «Ну что ж, прощайте, голубчик», так же, как и в синагоге, резко повернулся и вышел из сада на улицу, где его ждали адъютанты с лошадьми.

* * *

Через несколько дней Александр почувствовал себя больным. Все решили, что это последствие переохлаждения, которому подвергся император во время поездки в Георгиевский монастырь. Он отправился туда, как обычно, верхом, в одном мундире, так как погода была довольно теплой. Но внезапно подул промозглый холодный ветер и стал накрапывать дождь. Что ж, ноябрь месяц и в Крыму ноябрь. Император промок до нитки и сильно продрог на ветру. В связи с чем все дальнейшие дела были отложены и решено было вернуться в Таганрог вплоть до выздоровления самодержца. По приезде он был уже совсем болен и слаб. Первые дни он еще вставал с кровати, чтобы принять доклады и подписать бумаги. Но ему становилось все хуже. На коже стали проступать кровавые язвы. Явилась неизвестная лихорадка. Никакие средства не помогали улучшить состояние больного. Все чаще он метался в горячечном бреду по ночам. Его начали посещать видения прошлого. И в видениях этих приходили в основном уже почившие, как бы предрекая его собственную смерть. Вот бабка, великая императрица Екатерина строго смотрит на него и говорит: «Не дело ты затеял, Саша». Вот генерал Багратион подходит с докладом. Но лицо его бледно и страшно, он лопочет что-то неразборчиво и исчезает. Вот дочь Софья, единственный его ребенок, прикорнула на краешке его кровати и грустно смотрит на него. Но самым страшным и самым частым видением был отец. Он входил всегда в парадном мундире сквозь дверь и всегда произносил одну и ту же фразу, которую действительно часто произносил, когда был недоволен поступками сына: «Александр, вы поступаете бесчестно», – и тут же исчезал в мерцающем мареве полутемной комнаты. Александр всегда просыпался при этом. Мутный взгляд плыл по пустым углам помещения, возвращая ощущение реальности. Жгучий стыд и раскаяние жгли его.

Но однажды после одного из явлений призрака покойного родителя он так же открыл глаза, и на месте исчезнувшего Павла первого соткалась черная фигура. Перед ним стоял монах – священник. Он не мог понять, продолжает ли он грезить или видит монаха наяву. Вдруг монах произнес:

– Здравствуй, Саша.

Александр взглянул на монаха с удивлением. Борода закрывала все лицо священнослужителя, но глаза, точнее взгляд, показались ему до боли знакомым.

– Кто ты? – делая усилие, слабо спросил император.

– Сейчас меня зовут иеромонах Зосима, но когда-то давно, в другой жизни, я звался Павлом Строгановым.

Услышанное поразило императора. Он решил, что это не иначе как новый призрак, на этот раз давно умершего друга, посетил его. Александр закрыл и открыл глаза. Видение не исчезло, и он вдруг осознал, что вовсе не грезит. Человеческая фигура была настоящая. Он слабо прошептал:

– Но…

Монах приложил палец к губам и сказал:

– Молчи, Саша, тебе нельзя говорить много. У нас мало времени, и я буду краток. Я не умер тогда, в семнадцатом году в Копенгагене, и вместо меня похоронен безвестный матрос, убитый в пьяной драке. И поверь мне, я не призрак. Вот я перед тобой собственной персоной

из плоти и крови. Позже я обязательно расскажу тебе все подробнее. Я пришел забрать тебя, Саша. Ты все об отставке грезил, так время приспело. Если сейчас не решишься, в отставку тебя отсюда вперед ногами вынесут.

Больной ошеломленно смотрел на монаха. Потрясение было столь сильным, что болезненное состояние ослабло. Больной почувствовал, что мысли его ясны. Перед ним не призрак. Все реально. Перед ним стоит его старый друг детства и соратник. Вихрь мыслей взметнулся в мозгу. Он вдруг представил себе свой побег. И ему вдруг захотелось – бежать. Он с трудом приподнялся на локтях и произнес:

– Но меня хватятся… Это бред какой-то, Паша, объяснись.

– Не хватятся. Долго объяснять, и не время сейчас. Решайся, Саша. Скажу тебе главное. Болезнь твоя не та, что доктора твои полагают. Лечить ее по-иному надобно. Доктора твои уморят тебя. Время дорого – решайся!

Строганов достал из-под ризы фляжку:

– Вот, выпей, это укрепит тебя, и попытайся встать, после все узнаешь.

Император машинально взял фляжку, но глотка не сделал, его глаза на миг безумно взглянули на старого приятеля:

– Уж не заговорщик ли ты? Это яд?

– Саша, Саша, я уже восемь лет как монах Зосима, и мирские дела меня не интересуют. Вот ты силишься понять Бога. А того не понимаешь, что никто: ни выдумщик Голицын, ни многоумный раввин ни ученый мулла, ни даже я – объяснить тебе ничего не смогут. Тут годы посвятить нужно, много узнать, много почувствовать, многому научиться. Ты только тогда Его узришь, когда, суету оставив, сможешь каждый день жить так, словно впереди вечность и одновременно день этот последний. Сможешь ощущать радость бытия, и все в мире станет неважным для тебя. Вот хоть бы сейчас Бог тебе дает, а ты противишься. Впрочем, как знаешь. Время пришло. Или идем вместе, или я ухожу один.

Александр на секунду закрыл глаза. После того как он открыл их вновь, блеск безумия исчез. Он приложил к губам флягу, сделал несколько глотков. Это была какая-то настойка. Явственно чувствовался вкус коньяка и горечь трав. Тепло разлилось по телу. Силы вернулись. Он сделал усилие и поднялся. Монах накинул на его плечи рясу, натянул на голову клобук капюшона и, поддерживая, повел его к черному ходу.

Как только они скрылись в коридоре, посреди комнаты бесшумно открылся люк, ведущий в цокольный этаж, в котором располагалась кухня и другие необходимые службы, и в нем показались две черные фигуры, несущие тело человека, одетого точно в такое же, как и было на императоре, белье. Они уложили тело его на кровать, укрыли одеялом и исчезли в черном проеме подвала. Все стало так, как и было четверть часа тому назад.

В ту ночь все обитатели таганрогского дворца спали необычно крепко. Даже дежурный офицер уснул, прикорнув на стуле в приемной.

Утром больного, как обычно, осмотрел доктор. Он вышел к собравшимся в приемной с печальной вестью:

– Государь Александр Павлович скончался…

В это время всего в квартале от дома градоначальника Папкова в просторной светлой комнате на широкой кровати очнулся от ночного сна теперь уже бывший император всея и Малыя и Белыя Руси, царь Финляндский и король Польский.

Пробуждение его караулили чернобородый иеромонах и низенький пожилой татарин в цветастой тюбетейке с жидкой бородой.

– С добрым утром, Саша, – обратился к больному бывший граф Строганов. – Не говори ничего, выслушай меня внимательно, прежде чем скажешь первое слово.

Александр прикрыл глаза, припоминая произошедшее ночью. Это не укладывалось в голове. Он, император всероссийский, украден. Он вырван из привычного круга жизни.

Постылого круга. То, чего он так страстно желал порой, свершилось. На душе его стало спокойно. Спокойным было и лицо его. Было похоже, что он и так не собирался ничего говорить.

Строганов, кивнув на сидевшего рядом татарина, продолжил:

– Этого почтенного старца зовут Ассадул. Он врач. Был врачом еще при последнем Гирее. Не удивляйся. Он настоящий врач. Учился в Нанте, стал магистром в Праге. После смерти Шахин Герая имеет в здешних краях обширную практику. Весьма популярный доктор среди татарских мурз. В частности, вот уже тридцать лет он изучает эту странную болезнь. И он знает о ней все. Так вот. Если бы он даже попробовал объяснить, что нужно делать, твои доктора не поверили бы ему и тебя ждала бы неминуемая смерть. Ибо болезнь эта страшна. От нее нет лекарства. Но есть способ вылечить. Он немного странный, но поверь мне, вполне научный. Я думаю, он сам расскажет тебе лучше.

Монах подал знак татарину, и тот заговорил на безупречном французом языке, чем изрядно поразил Александра и что заставило его слушать с повышенным вниманием.

– Я наблюдаю эту болезнь больше пятидесяти лет. Массово она является раз в десятилетие, вместе с увеличением количества грызунов. Она не передается по ветру, ее переносят насекомые-кровососы. Под наибольшим моим подозрением у меня верблюжий клещ. Болезнь эта настолько редкая, настолько и опасная. От нее нет лекарств, но есть лечение. Если ваше величество изволит им воспользоваться, я гарантирую выздоровление.

Александр слабо повернул голову и почти шепотом спросил:

– Так что ж ты не рассказал о том моим докторам?

Татарин покачал головой и ответил по-русски:

– Кхто будет слушат неграмотный татарин, – и продолжил снова по-французски: – Я пытался, но все отмахнулись от меня. Они же светила, а кто тут я?

На самом деле он слукавил. Он действительно пытался представить результаты своих исследований по этому заболеванию в одном из ведущих университетов, но ученый совет отклонил его заявку. С тех пор он поклялся не связываться с гяурами и продолжил практику только среди единоверцев. [10]

Александр вновь закрыл глаза, и некоторое время казалось, что он впал в сон. Но вдруг его губы прошептали:

– И в чем же заключается лечение?

– О, это очень просто, – врач указал ладонью на стоящий на столике рядом с кроватью хрустальный кувшин, наполненный полупрозрачной красновато-коричневой жидкостью, и бутылку темного стекла. – Вам придется пить три стакана этого напитка из кизила и рюмку настойки. Напиток будет заполнять вашу кровь жидкостью, а настойка эта – мочегонное средство, отчего вы будете часто мочиться вот в этот сосуд, – рука переместилась, указывая на стоящий рядом на полу ночной горшок. – Это выведет убивающую вас мокроту из крови, и болезнь начнет отступать.

– Хорошо, – прошептал больной, – только я сильно устал, дайте мне отдохнуть.

– Э, нет, Александр Павлович, начинать нужно прямо сейчас, – врач хлопнул в ладоши, и на этот звук в комнату вбежал молодой монах. – Вот брат Агапий, он будет следить, чтобы все было по часам. А теперь прошу позволения удалиться. Я буду приходить к вам каждое утро.

Лечение, предложенное странным эскулапом, возымело свое действие практически с первых дней. Больной быстро шел на поправку и мог самостоятельно вставать и прогуливаться по комнатам уже через неделю. Почти все это время он молчал, только слушал. Друг его юности граф Павел Александрович Строганов, а ныне иеромонах Зосима, проводил с ним все дни, читал ему Новый и Ветхий Завет, философские трактаты и свежие газеты. Он совершенно убедил бывшего монарха в необходимости оставления мира ради умиротворения души. Через

[10] Гяур – по-турецки «неверный», термин, обозначающий всех не мусульман.

сорок дней совсем уже поправившийся Александр принял монашеский постриг с именем Варфоломей по имени святого, чье тезоименитство праздновалось в тот первый день, когда скончался император всероссийский и родился новый человек. Возвращаясь из церкви и проходя мимо дворца, они увидели траурную колесницу, на которой стоял гроб. Готовились к отправке тела в Петербург. Проходя мимо, новоиспеченный инок не выдержал и задал своему приятелю, а теперь и наставнику, вопрос, который мучил его все это время:

– Так кто же лежит под крышкой этого великолепного гроба?

Ответ прозвучал мгновенно и даже несколько суетливо, видно было, что спутник ждал его давно:

– Узнаешь, Саша, всему свое время. Сейчас правда может сильно потрясти тебя, а ты еще слаб. Учись быть терпеливым.

* * *

Зосима закончил свой рассказ, когда монахи уже вошли в ворота лавры. Они поднялись в свою келью на втором этаже братского корпуса, и тогда Варфоломей с иронией спросил Зосиму:

– Что-то я не услышал в твоем рассказе про еврея с красками и кистями. Как тебе удалось все это состряпать?

В это время раздался залп артиллерийского салюта. Погребение завершилось.

Чернобородый монах перекрестился, прошептал: «Мир праху его. Аминь», – и, обращаясь к собеседнику, продолжил:

– Ну вот он и погребен. Пришло время открыть тебе и главную тайну всей этой истории.

Глава четвертая. Явившемуся в мир радуйся

ЗА 48 ЛЕТ ДО ПОХОРОН

В тускло освещенной несколькими свечами душной комнате раздался крик новорожденного. До этой минуты в ней находились всего трое. На расположенной в центре кровати под кружевным балдахином на сбитых сырых простынях лежала стонущая от боли схваток женщина. Рядом с ней находился мужчина – доктор, дававший советы и указания суетившейся возле роженицы повитухе. Все шло нормально. Доктор был деловит и внешне спокоен. Повитуха была суетлива и взволнована. Как-никак ожидалось рождение наследника российского престола. А предыдущая попытка появления на свет внука императрицы Екатерины Великой окончилась смертью и роженицы, и плода. Первая жена цесаревича Павла, единственного претендента на российский престол, великая княжна Наталья Алексеевна скончалась родами чуть менее полутора лет тому назад. Но вакантное место было быстро занято новой претенденткой, лежащей сейчас на кровати и стонущей в схватках Луизой Вюртембергской, крещенной с именем Марии Федоровны. Живот был велик. Видимо, младенец оказался слишком крупным, и роды проходили тяжело. По крайней мере, так казалось повитухе.

Не прошло и нескольких минут, когда только что исшедший из чрева матери ребенок издал первый вопль, как комната наполнилась народом. Он закричал. Не то от боли, причиненной скальпелем врача, когда тот ловко отрезал пуповину и завязал ее аккуратным узлом, не то от жалости расставания с уютной материнской утробой. Но этот крик первого страдания от явления в мир нового человека вызвал бурю радости у целой толпы людей.

Первой в комнату ворвалась властного вида полнеющая женщина средних лет, императрица всероссийская Екатерина Алексеевна. Она бросила на кровать роженицы тугой кошелек, набитый новенькими золотыми червонцами, и взяла из рук доктора на руки красное, еще не омытое тельце. В ее глазах вспыхнула радость: это был мальчик! За ней, широко шагая и бесцеремонно расталкивая других придворных, ввалился одноглазый великан – граф Потемкин, будущий светлейший князь Таврический. Он выхватил ребенка из рук женщины и, торжественно подняв его над головой, сверкнув единственным глазом на теснящихся в дверях придворных, произнес:

– Вот он, император всероссийский!

За ним проскользнул курносый молодой человек – действующий наследник престола цесаревич Павел, которому большей частью и была адресована фраза графа. Он совершенно не претендовал на общение с младенцем, несмотря на то что был отцом новорожденного. Он подбежал к роженице, поцеловал ее покрытый крупными каплями пота лоб и что-то прошептал на ухо. Но она ничего не слышала. Цесаревна Мария Федоровна была в обмороке или глубоком сне. Ее мучения завершились, и ни щедрость свекрови, ни ласка мужа не интересовали ее в тот момент.

Особы венценосные и почти венценосные сопровождались свитой из приближенных обоих дворов, большого и малого, которые крайне редко собирались вместе из-за оппозиционности друг к другу. Впрочем, сейчас все были пьяны и находились в благожелательном расположении духа. От толпы пахло духами и крепкими ликерами.

Мизансцена как началась, так и закончилась внезапно.

Грохнули пушки. Это салютовала рождению наследника Петропавловская крепость. Императрица выхватила внука из рук фаворита, всесильного вельможи (и, как поговаривали, даже своего мужа), и устремилась прочь, увлекая за собой всю толпу. Даже цесаревич Павел Петрович не посмел остаться с супругой, хотя и бросил на страдающую роженицу виноватый

взгляд. Комната опустела вмиг. Исчезли пышные наряды дам и блеск золотых эполет кавалеров. Унеслась вслед за ребенком и повитуха, которой предстояло обмыть и спеленать вновь явившегося на свет божий человечка. Остался только удушливый запах духов, спирта да пота, который привнесли восторженные гости. Они остались в комнате вдвоем – роженица и доктор, которого беспокоило состояние женщины. Хотя ошалевшая от счастья императрица звала его праздновать вместе со всеми – судьба снохи ее интересовала не слишком. Предыдущая цесаревна умерла в родах, унеся вместе с собой и долгожданного младенца. А эта, вишь ты, благополучно опросталась. Помрет, так и бог с ней, новая сыщется, чай не впервой. Но врач остался с роженицей и, как оказалось, не зря.

Через полчаса в залу, где восторженные обитатели дворца кричали виваты и открывали бутылки с шампанским, проскользнул никем не замеченный эскулап. Он подошел к Екатерине и что-то прошептал ей на ухо. Императрица слегка изменилась в лице. Никто этого не заметил. Все веселились. Эскулап исчез, как и появился. За ним, стараясь не возбуждать любопытства, ускользнула и императрица.

Их путь по дворцу лежал обратно в комнату роженицы. Они напоминали заговорщиков. Поминутно оглядываясь и стараясь не шуметь, двигались они по коридорам и лестницам.

В комнате ничего не изменилось. Мария Федоровна была все так же в беспамятстве. Только рядом с ней, слегка шевелясь и слабо крякая, лежал, завернутый в пеленку, еще один младенец.

– Что это? – с испугом спросила Екатерина.

– Брат наследника, ваше величество. Скорее всего, двоечник. [11]

Императрица побледнела. Возникало неожиданное осложнение, масштабы которого опытная интриганка вдруг представила себе во всех красках.

Тени прошлого запрыгали перед ее глазами. Обилие выпитого, духота комнаты и эйфория от рождения внука делали свое дело. Императрица явно не была способна в этот момент мыслить критически. В душном мареве всплывали картины одна другой страшнее. Вот убиенный жаждущим царского венца боярином Борисом Годуновым царевич Дмитрий тянет к ней окровавленные руки и шепчет: «Не ошибись, царица». Вот умерщвленный уже в ее царствование и, по сути, по ее указанию неудачливый царь Иванушка, чей престол она занимала теперь, укоризненно смотрит на нее полубезумными глазами и грозит пальцем, совсем такой, каким она его видела единственный раз, посетив в камере Шлиссельбуржской крепости. Вот черный лик Железной Маски – брата-близнеца французского короля Людовика Четырнадцатого поднимается перед ней и жжет ее укоризненным взглядом из-под бархатной маски. Навестил ее в этот момент и покойный муж, недоразвитый уродец, бывший император Петр Третий. Он склонил голову набок и прошептал: «Я только хотел, чтобы мне позволили играть на моей скрипке». [12]

Императрица быстро пришла в себя от потрясения. Все-таки она была Великой. Она попробовала припомнить, как поступали в таких случаях другие монархи, но таких казусов в истории, как российской, так и мировой, найти не смогла. Тем не менее нужно было что-то делать, на что-то решаться. Не предусмотренное никакими законами событие само подсказывало незаконное решение. К тому же на руку играло то обстоятельство, что знали об этом всего двое. Роженица по-прежнему была в беспамятстве. Выход напрашивался сам собой. И императрица его озвучила:

---

[11] Двоечник – устаревшее название близнецов-двойняшек.

[12] Железная Маска – таинственный узник Бастилии в годы правления короля Людовика IV, носивший на прогулках бархатную черную маску. Версию о том, что это был брат-близнец короля, высказывал Вольтер, с которым императрица Екатерина Вторая состояла в переписке.

– Вот что, Джон. Унеси его, пока никто не видел. Отдай какой ни на есть кормилице. Небось баб с сиськами в Петербурге сыщется. Да смотри осторожнее, ни у кого даже мысли не должно мелькнуть, что родилось второе дитя.

Через несколько минут в комнате кроме цесаревны никого не осталось. Императрица вернулась как ни в чем не бывало к празднующей публике, а доктор с большим саквояжем в руках вышел из дворца и уехал в своем экипаже, приказав кучеру править домой.

При появлении Екатерины Потемкин, опрокинув очередной бокал с шампанским, осведомился:

– Что там, Катя, с Машкой что неладно?

– Нет, Гриша, с ней все хорошо. Это Джон, за меня волнуясь, наставлял меня в веселье не переусердствовать.

Глаз Потемкина сверкнул с удивлением на императрицу: не в ее правилах было слушать наставления Роджерсона. Но ничего не сказал сибарит, не до жениных было ему сейчас секретов. Ему хотелось веселиться.

На следующее утро Роджерсон появился у императрицы в обычный час. На этот раз их разговор был далек от обычной пикировки на тему европейской политики. Царицу интересовал вопрос, гораздо более для российского престола важный.

– Что наши дела грешные? Хорошо ли все?

– Все хорошо, ваше величество. Байстрюков в России всегда много было. Сей век не исключение. Пристроил теленка к хорошей дойной телочке. Я кому скажете адресок шепну, а меня от забот дальнейших покорнейше прошу избавить.

– Нет, Джон, дело это такой секретности, что только я и ты знать будем. И уж прости, милый друг, я про твои шашни с английскими милордами осведомлена изрядно. Сплетник ты известный, но да я не сержусь. Но в этом деле ни единого намека просочиться не должно. Хорошенько запомни это, Джон. Тут ты можешь не только мое расположение потерять, но и голову.

Роджерсон вздрогнул: не в обычаях Екатерины было так грозиться. Чтобы скрыть страх, отиравшийся во всех чертах его, врач поклонился, чего обычно в приватных беседах никогда не делал, и сказал:

– Слушаюсь, ваше величество.

Роджерсон вдруг сообразил, что если ходить под дамокловым мечом, то по крайней мере делать это нужно с наибольшей для себя выгодой, и потому добавил:

– Но дело требует изрядных расходов.

Екатерина вынула из конторки, за которой писала обыкновенно, заранее подготовленный кошелек, звякнувший монетами.

– Вот это на первое обзаведение. Потом пристроишь его в приличную бездетную семью подальше от столицы.

Врач спрятал золото в карман и распрямился. Тяжесть кошелька его изрядно успокоила. Он был игрок и всегда нуждался в деньгах.

– И как именовать его прикажете?

Царица на секунду задумалась. Вновь в голове у нее помчались смутные образы несчастливых царственных отпрысков.

Калейдоскоп остановился на человеке, всю жизнь проведшем в заточении с маской на лице.

– Фамилия ему будет Масков, а имя да отчество сами выдумайте…

* * *

Чернец умолк и посмотрел на собеседника. Во взгляде его была легкая тревога: как отнесется к этому сообщению бывший самодержец? Но волновался он напрасно. За прошедшие полгода Александр уже обвыкся в новом своем положении и стал даже иногда забывать, что был императором всероссийским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.